

Шэнь Бэй задумался примерно на время, которое ушло бы на сгорание одной палочки благовоний, а затем вдруг хлопнул себя по бедру и громко воскликнул:

— Ах, я забыл одну важную вещь!

— Что за вещь? — спросили одновременно Дуаньму Цин и Девятнадцатый, подумав, что Шэнь Бэй нашел что-то особенное.

Шэнь Бэй с сожалением произнес:

— Я столько времени провел у вас в Башне Цинчэн и забыл попросить у вас несколько качественных столов!

Дуаньму Цин и Девятнадцатый одновременно бросили на него презрительные взгляды. Господин Шэнь, тебе хватит...

Шэнь Бэй совершенно не почувствовал их настроения и продолжал сокрушаться. Дуаньму Цин потянул Девятнадцатого за руку и ушел, оставив Шэнь Бэя сожалеть.

Можно сказать, что Дворец Северного Ковша Шэнь Бэя, Башня Цинчэн Дуаньму Цина и Павильон Холодных Намерений Хань Лэна — эти три места они посещали, словно свои собственные дома, приходя и уходя когда угодно.

Когда-то они втроем, благодаря счастливому стечению обстоятельств, вместе отправились странствовать по Цзяньху и стали побратимами. Оглядываясь назад, они понимали, как много времени прошло. Печально, что один из них уже обзавелся семьей, а двое других все еще были одиноки!

Дуаньму Цин повел Девятнадцатого прогуляться, показывая интересные места. Люди Дворца Северного Ковша хорошо знали Дуаньму Цина как друга своего господина, и потому никто им не препятствовал.

Дворец Северного Ковша был построен на склоне горы. Если смотреть вверх, виднелись неприступные вершины, а если вниз — бездонная пропасть. Люди со слабыми нервами могли бы испугаться.

— Когда он строил Дворец Северного Ковша здесь, мы с Хань Лэном говорили, что он выбрал удачное место. Здесь круглый год можно любоваться красотами, есть дикие фрукты, и иногда жить здесь для успокоения души тоже неплохо.

Подойдя к дереву, Дуаньму Цин указал на него:

— Это дерево мы посадили втроем, а в одно мгновение оно выросло таким большим.

Он обошел вокруг и нашел вырезанную отметку:

— Это мы вырезали с помощью внутренней силы, если не присматриваться, не заметить. — В голосе Дуаньму Цина звучала ностальгия. Девятнадцатый посмотрел и увидел надпись их прозвищ:

Наньчэнь, Линшуй, Итин.

Шэнь Бэй носил прозвище Наньчэнь, Хань Лэн — Линшуй, а Дуаньму Цин — Итин.

Дуаньму Цин и Девятнадцатый сели под дерево поболтать. Дуаньму Цин сел на землю, а Девятнадцатый устроился у него на коленях. Дуаньму Цин рассказывал ему о значении своего имени.

— Мое имя Цин, как в слове «Цинчэн» — «опрокинуть город», поэтому многие думают, что оно означает красоту, способную опрокинуть города. Но на самом деле отец дал мне это имя со значением «слушать», поэтому мое прозвище Итин означает «внимательно слушать».

Мало кто знало его прозвище, и никто его так не называл. Шэнь Бэй и Хань Лэн звали его Дуаньму, подчиненные — господином, а остальные — владельцем Башни Цинчэн. Только родители, когда были живы, называли его Итин.

— Мне тоже непривычно так называть, «Дуаньму» или «господин» звучит лучше. — Девятнадцатый поднял голову и слегка укусил подбородок Дуаньму Цина, оставив легкий след от зубов.

— Я и не прошу тебя так называть, просто вспоминаю прошлое. — Он говорил с Девятнадцатым о событиях прошлых лет, но на самом деле это были воспоминания из его прошлой жизни. Теперь, вспоминая их, он не мог не вздохнуть.

Говоря это, Дуаньму Цин немного загрустил, и Девятнадцатый это заметил. Он не понимал чувств Дуаньму Цина, связанных с его возвращением в этой жизни, и не знал, как его утешить, поэтому попытался сменить тему.

— Господин, не грусти, давай сделаем что-нибудь другое. Я сыграю тебе мелодию на флейте? — Девятнадцатый не мог придумать ничего лучше.

— Хорошо. — Дуаньму Цин повернул голову и с легкой улыбкой посмотрел на Девятнадцатого.

Девятнадцатый взял флейту и сыграл веселую мелодию, пытаясь развеять печаль Дуаньму Цина. Его старание и желание угодить очень тронули Дуаньму Цина. Ничто не могло причинить ему больше боли, чем потеря Девятнадцатого. Самые тяжелые дни прошли, и теперь он должен ценить настоящее.

Дуаньму Цин тоже достал флейту и сыграл дуэтом с Девятнадцатым, привлекая тысячи птиц, которые собрались на крыше Дворца Северного Ковша. Это не было «Сто птиц, поклоняющихся фениксу», но все равно было впечатляющим зрелищем.

Однако Шэнь Бэй разрушил их романтическую атмосферу. Он все еще был одинок, и если Дуаньму Цин позволял себе показывать чувства в Башне Цинчэн, то здесь, на чужой территории, это было уже слишком!

— Постарайся остаться здесь и отправиться с ними в Город Сю.

— Так точно.

— Лучше всего, если ты сможешь оставаться рядом с ними все время.

— Так точно.

Хотя Дуаньму Цин мог доказать невиновность Лин Чэня, Шэнь Бэй не собирался его отпускать. Он считал, что раз кто-то решил притвориться им, то почему имя Лин Чэня оказалось замешанным? Возможно, этот человек был знаком с Лин Чэнем или как-то связан с ним. Это

дело касалось чести Дворца Северного Ковша, и его нельзя было просто так оставить.

Лин Чэнь чувствовал себя так, будто проглотил желчь, но не мог сказать ни слова. Это дело не имело к нему ни малейшего отношения, он был невинной жертвой. Но чтобы выяснить, кто использовал его имя, он был вынужден остаться с ними и вместе искать правду.

Он никогда не признается, что, возможно, приглядел Шэнь Бэю, и уж точно не скажет, что остался здесь по принуждению.

— Господин, мне кажется, что тот человек, возможно, не имел злых намерений. Лекарство, которое он дал, было хорошего качества. — Вечером, когда они остались вдвоем, Девятнадцатый шепотом сказал Дуаньму Цину.

— Возможно, но нужно узнать, кто это, чтобы быть готовым к любым подвохам. — Дуаньму Цин смутно чувствовал, что это может быть связано с происхождением Девятнадцатого. Возможно, тот человек специально стоял так близко к Девятнадцатому, чтобы что-то ему показать.

Девятнадцатый раздвинул одежду и показал Дуаньму Цину татуировку на плече:

— Господин, тебе не кажется, что этот лист становится все темнее, будто врос в кожу?

Дуаньму Цин положил руку на татуировку и осторожно провел по ней. Она действительно изменилась. Раньше прощупывались контуры рисунка, а теперь она словно слилась с телом.

— Кажется, всё, что происходит в последнее время, связано с этим листом. Не принесет ли это мне неприятностей? — Девятнадцатый лежал на кровати, его одежда была расстегнута, а свет лампы, мерцая, добавлял его телу загадочности. Он оперся на руку и с недоумением говорил с Дуаньму Цином.

Эта сцена выглядела так, словно Девятнадцатый соблазнял Дуаньму Цина. Хотя он говорил о серьезных вещах, Дуаньму Цину казалось, что тело Девятнадцатого шепчет: «Иди ко мне, посмотри на меня». Он сглотнул, взял себя в руки и с серьезным лицом ответил:

— Ничего, если будут неприятности, мы не испугаемся. Если даже небо рухнет, я его подержу над тобой.

— Эх. — Девятнадцатый тихонько вздохнул. В глазах Дуаньму Цина уже полыхал огонь, готовый сжечь его дотла. Если бы он до сих пор не понимал этого, то всё время зря было потрачено.

Рано утром Лин Чэнь, собравшись, побежал из западного двора в восточный и постучал в дверь Шэнь Бэя.

— Господин Шэнь, вы проснулись?

Не получив ответа, он продолжал стучать: «тук-тук-тук». Шэнь Бэй, не выдержав назойливости, открыл дверь и резко спросил:

— Чего тебе надобно этому господину?

Он был одет, видимо, давно встал, но не хотел видеть Лин Чэня, поэтому не открывал.

Нельзя винить его за плохое отношение к Лин Чэню. В конце концов, этот человек был слишком наглым. Вчера он... он поцеловал его!

Вот как это было. После того как они развеяли недоразумение, Лин Чэнь вдруг спросил:

— Скажите, господин Шэнь, вы сейчас женаты?

Хотя он не понимал, какое отношение это имеет к их разговору, он терпеливо ответил:

— Пока нет.

Тогда Лин Чэнь, пользуясь моментом, указал на себя и сказал:

— Тогда позволь мне посвятить себя вам. Сможу ли я приглядеться вашему глазу?

Проще говоря, Лин Чэнь заявил: «Ты мне понравился, а я тебе?»

Но Шэнь Бэй, никогда не имевший никакого опыта в отношениях и, несмотря на постоянное проявление чувств Дуаньму Цином и Девятнадцатым, в этом вопросе был белее бумаги, белее облаков!

Лин Чэню пришлось терпеливо повторить вопрос, и Шэнь Бэй наконец понял, ответив одним словом:

— Пошел вон!

Его подчиненные в отчете упоминали, что нашли Лин Чэня, когда тот пил вино в обществе красавиц. Такого повесу, гуляющего среди цветов, он не хотел, брр!

Девятнадцатый: Как тебе моя игра на флейте?

Дуаньму Цин: Отлично!

Девятнадцатый: Тогда сыграю тебе что-нибудь еще?

Дуаньму Цин: Давай, веселись, ведь у нас впереди целая вечность...

(Имена я придумал сам, не придирайтесь).

<http://bllate.org/book/16706/1535188>